

Михаил Делягин*

Претходно саопштење
UDK 316.344.42:323.2(47+57)
DOI 10.7251/POL1306253D

ПОЧЕМУ ЭЛИТЫ ПРЕДАЮТ СВОИ НАРОДЫ?

Элита общества – его часть, участвующая в принятии и реализации важных для него решений или являющаяся примером для массового подражания.

Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушающей при этом одни и усиливающей другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

В долгосрочном плане главным фактором конкурентоспособности общества становятся его мотивация и воля, воплощаемые элитой.

Предательство ею национальных интересов фатально: в глобальной конкуренции его можно сравнить лишь с изменой, совершаемой командованием воюющей армии в полном составе.

Строго говоря, этот феномен не нов. Один из ярчайших (и притом отнюдь не недавних) его примеров дала царская охранка, поддерживавшая организованное революционное движение в России ради расширения своего влияния и финансирования. Она ничуть не в меньшей степени, чем японская армия, немецкий генштаб и американские банкиры раздувала революционный костер, вышедший из-под ее контроля и спаливший все тогдашнее общество.

Ближе к нашим дням пример действия национальной элиты против своей страны дает опыт Японии конца 80-х – начала 90-х годов. Тогда в мире было два „финансовых пузыря“ - в Японии и США, один из них надо было „прокалывать“, и именно японская элита приняла решения, приведшие к „проколу“ японского, а не американского „пузыря“, от чего японская экономика толком не оправилась и по сей день. Причина - не только глубочайшая интеллектуальная зависимость от США, но и глубина проникновения японских капиталов в американскую экономику. Освоив американский рынок, японские корпорации справедливо считали ключевым фактором своего успеха процветание не Японии, а именно США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту.

Не менее масштабный и шокирующий пример противодействия национальной элиты, находящейся под внешним воздействием, интересам своего общества дала война США и их сателлитов против Югославии.

* Директор Института проблем глобализации, д.э.н., издатель журнала „Свободная мысль“ (до 1991 – „Коммунист“)

Ее стратегической целью, как и целью всей американской политики на Балканах с 1990 года, представляется подрыв экономики ЕС, стратегического конкурента США, превращением руин некогда процветающей Югославии в незаживающую рану на теле Европы. В частности, агрессия 1999 года, насколько можно судить, была направлена на подрыв евро как потенциального конкурента доллару.

Тогда европейские лидеры поддержали США, несмотря на резкий протест не только европейской общественности, но и среднего звена их собственных политических структур. Повестка дня для Европы после войны всегда формировалась ими под интеллектуальным влиянием США, и привычка к этому превратила тогдашних руководителей Европы в могильщиков ее стратегических перспектив. Из-за войны евро рухнул почти на четверть и на три с лишним года лишился возможности „бросить вызов“ доллару, а европейская экономика окончательно стала простым дополнением американской.

Это проявилось после 11 сентября 2001 года, когда Европа, спасая доллар, показала, что рассматривает американскую экономику не как конкурента, а как структурообразующего лидера мирового порядка, в котором исчезла сама идея „европейского вызова“. Формирование сознания европейской элиты американцами примирило Европу с положением, при котором в то самое время, когда падение евро оказывается для американцев маленьким конкурентным удовольствием, симметричное падение доллара представляется перепуганным европейцам концом света.

Еще более яркий пример предательства национальных интересов - „казус Милошевича“: ключевой причиной парадоксального и катастрофического „непротivления злу насилieм“, за которое он заплатил и собственной жизнью, представляется вероятное размещение материальных активов его окружения в странах-агрессорах и в их валютах. Ответные удары Югославии обесценили бы их.

Перечень подобных примеров можно приводить бесконечно, - но, чем ближе к нынешнему дню, тем чаще с ними приходится сталкиваться.

Наша страна с ее скоро уже четвертью века национального предательства всего лишь наиболее быстро и ярко выражает пугающую глобальную тенденцию: элиты всего мира, которым народы веряют свое будущее и самих себя, все чаще продают их, причем не только цинично, но и удивительно дешево.

В свое время Горбачев дал нестерпимо соблазнительный пример того, что сотрудничество с Западом против своей страны обеспечивает личное благополучие и полную безнаказанность. Однако последние годы показали: ситуация изменилась. Лишившиеся власти лидеры – от Пиночета до Милошевича – идут под суд или прямо на тот свет, а сдавшим своего руководителя в теплые руки „мирового сообщества“ приближенным вместо всех земных благ публично отрывают головы (как это было с окружением Саддама Хусейна).

Но круг представителей элит, убеждаемых этими трагедиями, поразительно узок: помимо китайцев и иранцев, сегодня в него входит разве что окружение Каддафи.

Почему?

Почему элиты незападных стран, как лемминги к краю пропасти, бегут на Запад?

„Оффшорная аристократия“: жизнь ради потребления

„Я не столько патриот страны, в которой живу, сколько патриот своего капитала“. (<http://www.peoples.ru/undertake/finans/kiselev/>)

(Олег Киселев)

Самый простой ответ, лежащий на поверхности, - перерождение элит в силу торжества рыночных отношений и, соответственно, рыночных идеалов.

Практический критерий патриотичности элиты прост до примитивизма: размещение ее активов. Вне зависимости от мотивов ее отдельных членов, как целое элита обречена действовать в интересах именно собственных активов (материальных или символических – влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и так далее). Если критическая часть этих активов (которую члены элиты не могут позволить себе потерять), контролируются конкурентами этого общества, элита поневоле служит их интересам, становясь коллективным предателем.

Отсюда, в частности, следует обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут последовательно противодействовать последним.

Отсюда вытекает и ограниченная адекватность натужной риторики о „поднятии с колен“ в не упоминаемую позу, популярной среди отечественной „оффшорной аристократии“ в 2000-е годы. Ведь эта часть российского управляющего класса держит на „проклятом Западе“ все свои активы, до семей включительно.

Логика представителей „оффшорной аристократии“ строга и по-своему безупречна: они служат личному потреблению (неважно, материальному или символическому), ощущая Россию как „трофейное пространство“, вместе с населением подлежащее переработке в имущество, расположенное в фешенебельных странах, или же в уважение со стороны представителей этих стран.

Солнце для них восходит на Западе, и они молятся этому черному солнцу наживы, уничтожая ради нее свои народы.

Однако этот ответ при всей его актуальности даже не претендует на глубину.

Ведь рыночные отношения развиваются на протяжении столетий; почему же именно сейчас, когда деньги теряют значение, уступая ключевую роль в жизни развитых обществ технологиям, а стратегические решения все более принимают нерыночный характер, - почему вдруг именно сейчас рыночные отношения начинают доминировать в сфере ценностей?

Почему людей, которые вслед за генералом Торрихосом не хотели войти не то что в собственный замок на Лазурном берегу, но даже в историю, а стремились „лишь“ в зону Панамского канала, в массовом порядке сменяют совершенно иные лидеры, рассматривающие свои страны как „трофейные пространства“, а себя в роли наместников оккупационных армий?

Что ломает ценности элит?

Конкуренция ценностей

Глобальная конкуренция ведется прежде всего между цивилизациями - на основе их ценностей и вытекающего из них образа действия.

После поражения и уничтожения советской цивилизации наиболее предпочтительно положение Запада, чей образ действий – финансово-экономический – наиболее универсален. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает *a priori*, поэтому круг ее потенциальных сторонников наиболее широк.

Конечно, ужесточение глобальной конкуренции, лишая многих возможностей успешно участвовать в экономической жизни, решительно сужает этот круг. Именно этим вызваны исламский и, отчасти, китайский вызовы Западу. Но принципиально ситуация пока не меняется: Запад остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конкуренции объективно служит почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам его образ действий объективно превращает его в проводника интересов и ценностей Запада. **Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает не по убеждениям, а по образу жизни.** Финансист принадлежит западной цивилизации не когда он дает деньги борцам с Западом, а лишь когда он отказывается от использования финансовых рынков и переходит к образу жизни представителя западной цивилизации, то есть совершает социальное самоубийство.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе элит погруженных в нее стран.

Поскольку с началом глобализации конкуренция ведется прежде всего в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто формирует сознание его элиты.

Формирование сознания элиты извне - слегка завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между отдельными людьми и даже народами, а между странами и тем более государствами наблюдается конкуренция, сознание элиты обычно формируется извне стратегическими конкурентами ее общества.

Такое общество утрачивает адекватность (достаточно посмотреть на историю нашей страны с 1987 года): ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам его стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, имеет к своей стране то же отношение, что охранник – к заключенным.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты в силу своего положения располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане. Глобализация, обостряя конкуренцию, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы – рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты таких обществ естественно стремиться к либерализации, дающей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимыя беды их народам. При этом уровень конкуренции, необходимый представителям элиты просто для того, чтобы держать себя „в тонусе“, может быть абсолютно непосилен для основной части их обществ.

В слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, отторгает инициативных, энергичных людей, порождая в них обиду. А ведь именно такие люди и образуют элиту! Отправившись „искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок“, они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину механическим насаждением их реалий и ценностей. Подобное слепое культуртрегерство разрушительно в случае не только незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своей Родине. „Умный человек неправ просто потому, что он умный и поэтому думает не так, как большинство, и, соответственно, отторгается им“. Такое отторжение элиты характерно для многих стран.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи незападных стран на западные ценности это противоречие обостряется.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности, и (часто незаметно для себя)

начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в России они служат эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости).

В результате значительная часть образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как предъявляет ей непосильные для нее требования.

Еще более важно то, что современное образование по самой своей природе включает западные стандарты культуры и представлений о цивилизованности, которые во многом не совместимы с общественной психологией, а во многом – с объективными потребностями развития незападных обществ.

Воспринимая в качестве идеала и своей цели источник этих стандартов (причем во многом существующих лишь в рекламе либо для богатейшей части соответствующих обществ), образованные слои неразвитых обществ начинают если и не прямо служить ему, то, как правило, соотносить с ним все свои действия.

Именно с этого начинается размывание системы ценностей, затем размывающее и общество. Без этого деликатного аспекта цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение активной и сознательной враждебности к собственной стране.

Технологии уничтожают демократию

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

„Наиболее рентабельный из общедоступных“ - значит наиболее массовый: основным видом деятельности бизнеса вот уже скоро поколение является изменение сознания потенциальных потребителей. Забыты времена, когда товар приспособляли к их вкусу: гораздо рентабельней оказалось приспособить едока к пище, а не наоборот.

Между тем для формирования сознания общества нет нужды преобразовывать сознание всего населения – достаточно воздействовать лишь на его элиту. Усилия по формированию сознания, концентрируясь на сознании элиты, меняют его быстрее, чем сознание общества в целом, и оно начинает резко отличаться от сознания большинства.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания элита мыслит

по-другому, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл формальной демократии (и, в частности, лишает смысла ее институты), так как идеи и представления, рождаемые обществом (не говоря уже о его мнениях и интересах), уже не диффундируют наверх по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение ее поведения.

Когда элиты слышали человека

В начале 30-х годов XX века, когда все развитые страны столкнулись с политическим „эхом“ распространения конвейера - соблазном тоталитаризма, - письма граждан президенту США стали важным инструментом корректировки экономической политики государства. Ф.Д.Рузвельт добился того, что по многим из них направлялись представители президента, которые „задним числом“ изменяли условия коммерческих сделок, чрезмерно ухудшавших положение граждан и создававших при широком применении угрозу неприемлемого обострения социальной ситуации.

Классическим примером стало и получение в начале войны Сталиным письма от безвестного старшего лейтенанта Флерова, в котором тот извещал всесильного и (как подразумевалось пропагандой) всеведущего „отца народов“ об исчезновении из мировых научных журналов статей по ядерной физике. Это письмо не просто дошло до адресата – оно было воспринято им и (разумеется, наряду с другими сигналами подобного рода) стало одной из причин развертывания советской ядерной программы.

В самом начале 1991 года одно-единственное письмо (а точнее, способность и желание элиты воспринимать мнения общества) также повлияло на судьбу страны. Мало кто помнит, что Ельцин, будучи хотя и мятежным, но все же первым секретарем обкома, поначалу опасался чуждого ему стихийного забастовочного движения шахтеров.

Перелом произошел, когда в середине января 1991 года на его имя пришло письмо от обычного рабочего. На полутора листках из ученической тетрадки тот очень внятно разъяснял лидеру демократов, что все, что нужно шахтерам – это право продавать по свободным ценам 10% угля, и что они поддержат любого политика, который пообещает им это.

Б.Ельцин воспринял эту идею и, „оседлав“ шахтерское движение, превратил его в свой таран против Горбачева.

Сегодня такое развитие событий невозможно. Даже если письмо обычного человека дойдет до окружения лидера, продравшись через сито отдела писем (который докладывает „наверх“ лишь статистику: количество писем и их тематику), руководство, скорее всего, просто не поймет его смысла.

Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно разный смысл в одни и те же слова и делать разные, порой противоположные выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель может встречаться с „ходоками“, как Ленин, и даже регулярно ходить „в народ“, - но не чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж и повысить рейтинг – политический аналог рыночной капитализации.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они утрачивают способность к главному – к взаимопониманию. Как писал Дизраэли по иному поводу (о бедных и богатых), в стране возникают „две нации“.

Эта утрата взаимного понимания разрушает демократию, подменяя ее хаотической пропагандой и перманентной информационной войной значимых политико-экономических групп. „Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму“.

И общественное сознание – не только цель, но и поле боя.

Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с ним и потребность элиты во внешней помощи, - и уже сложилась сила, которая ее с удовольствием оказывает.

Глобальный управляющий класс: новые хозяева

Суть глобализации – упрощение коммуникаций.

Новые коммуникации сплачивают представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, СМИ и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни в качественно новый, не знающий границ космополитичный глобальный управляющий класс.

Образующие его люди живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают не столько государственные, сколько частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не един, он раздираем внутренними противоречиями и жестокой борьбой, но как целое он монолитно противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни мажоритарных акционеров (строго говоря, он является таким акционером сам для себя). В силу самого своего положения „над традиционным миром“ он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, - и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса: это качественно повышает уровень их жизни; несогласные же уничтожаются или, как минимум, изолируются.

Соответственно, большинство национальных элит переходит от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах „новых кочевников“ - глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления) и, строго говоря, носит характер жестокой эксплуатации.

На наших глазах и с нашим участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится совместная национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил – ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии „новых кочевников“.

Практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом, утрачивают свое значение. Они оказываются ничтожными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельных обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, пятого после существующих Социалистического, троцкистского, либерального и Финансового, – как это ни парадоксально звучит, националистического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естествен-

ного образа жизни, благосостояния, культурного потенциала и прогресса своих народов.

Ведь человечество, каким бы несовершенным и раздробленным оно ни было, не хочет становиться на четвереньки.

Технологический социализм против „Железной пяты“

Ахиллесова пята глобального управляющего класса - в службе глобальным монополиям, которые, как и все монополии, стремятся заблокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения. Этот путь ведет к архаизации общественных отношений, заталкивает мир в новое Средневековье, новые Темные века.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать развитие технологий, объективно взрывающих монополизм, в том числе и глобальный.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, - точно так же этот же самый современный (и завтрашний) человек должен стремиться к технологическому прогрессу. Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведенном примере он жертвует общественным приличиям свое время, - как правило, не задумываясь о стоящими за ними потребностями его собственного здоровья.

Человечество приближается к коренному изменению мотивации своей деятельности.

Заменой узко рыночного стремления к голой прибыли, автоматически рождающего монополизм, постепенно становится объемлющее, включающее его стремление к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной и интересной.

Упование на технологии против всемогущества порождающего монополизм рынка, при всей наивности такого упования (как и любой, во все времена надежды на лучшее будущее), представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преобразующейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма**.

Сегодняшняя форма общественного развития – это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращают лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла и выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь – всего человечества без исключения.